

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ АЛТАЙСКОГО НАРОДА

Работа выполнена по гранту РГНФ – Республика Алтай № 11-11-04002а/Т.

На основе опубликованных материалов и архивных документов освещается заключительный этап (1753–1756 гг.) сближения алтайских кочевников с Русским государством, приведший в 1756 г. к добровольному принятию ими российского подданства; показана роль военного противостояния между Джунгарским ханством и Цинской империей на выбор аборигенами Горного Алтая своего дальнейшего пути развития.

Ключевые слова: аборигены Алтая; Джунгарское ханство; Китай; подданство.

В мае 2011 г. жители Горного Алтая готовятся (в соответствии с постановлением Госсобраний – Эл-Курултай Республики Алтай и Указом Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 2010 г.) торжественно отметить знаменательную дату в истории своего края – 255-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав России. Так уж повелось, что памятные даты (а тем более юбилейные) всегда побуждали и побуждают нас «пронзить», как говорил поэт, «время» и обозреть «пути-дороги, пройденные нами». Не станет исключением в этом плане для жителей Республики Алтай (да и страны в целом) нынешний 2011 г. Такого рода памятные события научные и публицистические издания отмечают, как правило, публикацией на своих страницах соответствующих материалов. Откликнемся на это событие и мы.

Общеизвестно, что «поворотному событию» в истории Горного Алтая предшествовали многолетние контакты (дружественные и не совсем таковые) его насельников с Русским государством, о которых многое уже известно нашим читателям. Учитывая это, коснемся лишь событий 1753–1756 гг. – времени добровольного принятия алтайцами российского подданства. Что же толкнуло насельников Горного Алтая – «бывших зенгорцев», так именovali русские документы алтайских кочевников («кыштымников и ясачников» Джунгарии), к такому шагу? Решающим событием в этом деле, безусловно, стало многолетнее военное противостояние между Джунгарским ханством и Цинской империей. Чтобы понять его роль в судьбе алтайских народов, остановимся чуть подробнее на заключительном этапе джунгаро-китайской войны середины XVIII в.

Воспользовавшись междоусобицей в Джунгарии (в ней приняли участие и алтайские князья на стороне ойратского «державца – Даваци» против его претендента – «самозванца на ханово место Амурсаны». – Н.М.), Пекин направил весной 1753 г. свои войска для покорения «зенгорцев», проживавших в верховьях р. Кобдо и в Чуйской котловине. Часть их была захвачена китайцами, а «спасшиеся» откочевали к «телесцам» [1. С. 31]. Продолжая начатое «дело», Цины направляют в начале 1754 г. в приграничную крепость Улясутай отряд во главе с «министром Шухэдэ», в обязанности которого входило ознакомление зайсанов «чуйско-кобдинских отоков» с обращением «своего императора». В обращении Шухэдэ предлагал зайсанам добровольно перейти в цинское подданство, не преминув при этом добавить, что «все строптивцы» будут прогнаны им «за пределы Алтая». И, надо сказать, император сдержал свое слово: не послушавшиеся его «желтые саянцы», обитавшие в Чуйской котловине, были вы-

рублены маньчжурами «все без остатка», а молодые – уведены в плен [1. С. 31]. Вслед за отрядом Шухэдэ ушла в бассейн Кобдо и прилегавшие к ней районы большая цинская армия, двигавшаяся двумя колоннами. В составе северной шел (помощником командующего) Амурсана. Угроза захвата китайцами понудила алтайские племена, кочевавшие в вышеуказанном районе, переселиться в южные районы края: в верховья Чуи и Катунь. Сюда, вслед за беглецами, и прибыли летом 1754 г. цинские отряды, которым удалось «привести в покорность» всего лишь 445 «беглецов» [2. С. 100].

Чтобы воспрепятствовать продвижению китайских войск вглубь Алтая, местные зайсаны направили в верховья Чуи свои военные отряды. К примеру, отряд, сформированный зайсаном Омбой, привел сюда его «пасынок, демичи Самыр». Прибывшие воины выставили «общий заслон» в 500 чел. Он-то и преградил китайцам путь из Чуйской котловины к берегам Катунь. Но этого было явно недостаточно, чтобы остановить наступление маньчжурских войск. Поэтому «кобдинские» зайсаны, в частности Чадак, Чулун и другие, сразу же переселили (избегая пленения) своих людей в Чуйскую котловину и в долину р. Аргут. Их же «коллега» – Тубшин – «обезопасился» более надежно: он перевалил горный перевал и ушел на «житье» в бассейн Иртыша [1. С. 31].

Сложившаяся военно-политическая обстановка понудила алтайских зайсанов искать выход из создавшегося положения. Многие из них высказались за проведение осенью 1754 г. всеалтайского съезда, чтобы обсудить, как им преодолеть «кризисное состояние» [2. С. 100]. Конец 1754 – начало 1755 г. стали еще более печальными для тюрков Монгольского Алтая, проживавших в междуречье Кобдо и Черного Иртыша: они были разгромлены цинскими войсками и подчинены «воле Сына Неба». На службу к нему перешли тогда известные местные «князья Чадак, Чилун, Тубшин» и др. Следуя древнему принципу правителей Китая – «руками варваров усмирять самих варваров», император Цянлун направил в феврале-марте 1755 г. в верховья Катунь и Бухтармы два сводных отряда, сформированных из «халхасцев и алтайских тувинцев», которым было предписано покорить «проживающих там тюрков» [3. С. 62]. Иначе говоря, масштабы цинской агрессии в Горном Алтае стали разрастаться. Вскоре маньчжурские отряды, вторгшиеся в юго-восточные районы края, вышли к Телецкому озеру, чиня на своем пути «грабежи и убийства», силой принуждая местных аборигенов к приему китайского подданства [2. С. 101].

Направляя свои войска в Горный Алтай, правитель Поднебесной не сомневался в легкой победе. Но в дело

вмешался «Господин Случай». От захваченного в плен местного жителя «Бозрбэя» маньчжурам стало «ведомо», что на Алтай прибыл объединенный семитысячный ойрато-казахский отряд, к которому присоединились со своими войсками и некоторые алтайские князья, в частности Бучжук и др. [3. С. 63]. Правда, китайские командиры не поверили этому «сообщению». Но, решая свою главную задачу, они не сбрасывали со счетов и возможность нападения на них объединенных сил ойратов и казахов. Двигаясь от одного рубежа к другому, маньчжуры заполнили вскоре юго-восточные районы Горного Алтая, «чиня всюду грабеж и насилие», по-прежнему склоняя алтайцев к принятию китайского подданства. В этой ситуации местные зайсаны собираются в марте 1755 г. в ставке Намыкая Малаева (в долине р. Ело) на совет для обсуждения вопроса: как отразить цинскую агрессию. После жарких споров было принято решение о формировании во владениях зайсана Намыкая общеалтайского ополчения [2. С. 101]. Но, потерпев ряд поражений, алтайское ополчение развалилось [4. С. 108].

Это обстоятельство, а также ухудшение, в связи с продолжающейся цинской агрессией, общей обстановки в Горном Алтае понудило алтайцев обратить свои взоры в сторону России. С начала 1755 г. в различные инстанции ее местных и центральных органов власти стали поступать прошения алтайских «инородцев», в которых они просили «взять их в российскую протекцию» и «защитить их от злого времени». К лету 1755 г. поток таких ходатайств еще более усилился. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные) не могли определиться, как им поступать в сложившейся ситуации. Так, командующий Колывано-Кузнецкой военной линией полковник Дегаррига неизменно получал на свои запросы от командующего Сибирскими войсками бригадира Крофта и из Коллегии иностранных дел невразумительные ответы: «...в близость границы и к крепостям... оных зенгорцев не допускать», но и «не отгонять их от оных» [3. Л. 67].

Используя благоприятную для них ситуацию, маньчжуро-китайские отряды продолжали тем временем осуществлять свой захватнический план. В начале мая 1755 г. командовавший ими зайсан Чилун доложил богдыхану о приведении им в «богдыханово подданство» кочевников, проживающих в верхнем течении Катунь. Последний не поверил этому сообщению, а потому и приказал «князю Цэнгунджабу выступить с войсками на Алтай», а прибыв туда, «разъяснить» местным «варварам», что если они «добровольно сдадутся богдыхану, то они могут спокойно жить», как и раньше, «в прародительских местах». Однако выполнению этого приказа богдыхана помешала война с Джунгарией. Об этом поведали «алтайцы-телесы» русскому посланнику И. Шаболину, прибывшему к ним 15 июня 1755 г. «Мунгальское войско, — говорили они, — кое приближалось к Телецкому озеру и намерено было взять нас, двоюродцев, в свое подданство, ныне... отступило обратно в свою землю, а прочее... с нойоном Амурсаной ушло в Зенгорскую землицу» [4. С. 108].

Разгромив Джунгарское ханство, маньчжуры вновь начинают готовиться к походу в Горный Алтай. Однако в сентябре 1755 г. против них восстал Амурсана,

потерявший всякую надежду стать с их помощью ханом единой Джунгарии. Но это обстоятельство не объединило его с алтайскими зайсанами: они продолжали борьбу с отрядами Амурсаны (в районе Телецкого озера, на Катунь и Семе) [5. С. 113–114]. Она прекратилась лишь в октябре, когда отряды Амурсаны ушли в Джунгарию, опасаясь действий крупного китайского «войска». Однако это не принесло мира и покоя на алтайскую землю. О своем существовании вновь напомнил местным «варварам Сын Неба». Он приказал алтайским зайсанам срочно явиться в «его войско для отсылки их в Китай». Последние вынуждены были подчиниться диктату. В течение четырех месяцев в Пекине побывало около 20 чел. Об этом поведал русскими властям зайсан Намыкай, вернувшийся из Пекина в январе 1756 г. Он же сообщил им о том, что алтайским зайсанам приказано собрать свое войско и выступить совместно с китайцами против Амурсаны [6. К. 1–3]. В связи с данным приказом богдыхана Намыкай настоятельно просил русские власти ускорить решение вопроса о приеме алтайцев в российское подданство. Однако ни военные, ни гражданские начальники в очередной раз не дали зайсанам конкретного ответа.

Учитывая настойчивые притязания китайцев на взятие жителей Горного Алтая в «мунгальское подданство», их родовые правители собираются на совет на р. Кайрлук. На нем присутствовали: «зайсан Омбо (от Канской волости), зайсан Бокол-Боохол — (от Урянхайской), зайсаны Кутук, Буктуш, Брут (Бурт) — от Телеутской, зайсан Намчикай (Номичкай) — от Саяно-Амзына, зайсан Кочерен (от Телецкой волости)» и др. Кайрлукский съезд постановил: «...обратиться к русским властям о приеме алтайских зайсанов с их подданными в «русскую протекцию» [4. Л. 179–180об.]. Такое прошение от имени 13 алтайских зайсанов поступило в январе 1756 г. и в Бийскую крепость, а от зайсана Омбы и других — в Чагырскую крепость [4. Л. 213, 217]. Такого рода прошения поступали русским властям от алтайцев и в дальнейшем. Так, в феврале они были получены капитаном Тарakanовским от представителей Каракольской волости, а также командующим Колывано-Кузнецкой военной линией полковником Дегарригой — от имени 12 алтайских зайсанов, под властью «коих имелось свыше 1 500 юрт» [2. С. 102]. В разгар этих дипломатических сношений в Горный Алтай вновь вторгаются цинские войска. О бесчинствах агрессоров сразу же узнало командование Бийской и Чагырской крепостей. Однако каких-либо мер по их пресечению русские военные вновь не приняли [4. Л. 234], так как не имели достаточно сил и твердого приказа. Понимая это и пользуясь нерешительностью русских властей, маньчжуры «выжимали» из данной ситуации все возможное: они беззастенчиво грабили алтайцев, принуждали их принимать китайское подданство. Тех же, кто отказывался это делать, они насильно (главным образом, молодых) угоняли в Китай, а остальных безжалостно истребляли на месте, особенно детей и стариков. Не найдя покровительства и защиты у русских властей, алтайцы как могли защищали себя. Особенно преуспели в этом деле зайсаны Омбо, Гучухай и Бобой, которых император Цяньлун объявил «за явленную ему дерзость», выразившуюся в их сопротивлении его войскам, своими «личными врагами».

«Оных варваров, — строго предписал он командирам своих отрядов, — следует сыскать, а поймавши, наказать примерно, без всякой снисходительности» [4. Л. 216, 218–220].

Под давлением китайских отрядов алтайцы стали отступать к границам России. А те, кто не мог сделать это, скрывался в глухих, труднодоступных местах. Те же, кому не удалось уйти от преследователей, вели двойную игру. Под предлогом обсуждения с сородичами условий приема китайского подданства они пытаются выиграть время, надеясь, что русские власти дадут им (за это время) все же положительный ответ на их прошения. Однако китайское командование не верило такого рода заявлениям «местных варваров» и настаивало на безоговорочном принятии алтайцами китайского подданства. Об этом поведал командованию Бийской крепости алтаец Аксак Едженин, прибывший туда весной 1756 г. «У нашего зайсана Номкы, — говорил он, — были послы из китайского войска» и требовали «со всех двенадцати зайсанов алман... Они же намерены взять их всех, с их людьми с мест, где ныне они кочуют, в свою землю... А тех, кто откажется переходить к ним... обещают всех перевешать на березах» [4. Л. 295].

Угроза угона в Китай, непрекращающийся геноцид понуждают алтайцев активнее ходатайствовать перед русскими властями (местными и центральными) об их приеме в российское подданство. Такое прошение было направлено сибирскому губернатору В. Мятлеву 9 марта 1756 г. [4. Л. 218–220]. Но ответа от него вновь не последовало. В этой ситуации зайсан Омбо предпринимает решительный шаг: он направляет свое прошение прямо императрице. «Ныне, за долговременным незвятием нас в Россию, — писал он, — многие зайсаны взяты мунгалами (китайцами. — *Н.М.*) в свою землицу вместе с женами и детьми», а посему, чтобы уберечь себя, — просил зайсан, — «возьмите нас в свою протекцию» [4. Л. 179]. Аналогичное прошение направляют зайсаны и в Коллегию иностранных дел [4. Л. 283]. Послав свои прошения, алтайцы, еще не зная, какой ответ будет получен на них, ища защиты «от мунгальского избиения», начинают самовольно прикочевывать к русским крепостям и селиться около них. Об этом доложили весной 1756 г. в Томск начальники Чагырской, Усть-Каменогорской и других крепостей [3. С. 92]. Взвесив все «за» и «против», русское правительство идет на прием алтайских кочевников в свою «протекцию». Это решение было «Высочайше» закреплено 2 мая 1756 г. [4. Л. 295]. Руководствуясь этим указом, с июня 1756 г. в крепостях, форпостах и редутах Колывано-Кузнецкой военной линии начался прием

алтайских кочевников в русское подданство. Первыми (из числа 12 зайсанов, ходатайствовавших о приеме в российское подданство) приняли 21 июня 1756 г. в Бийске «русскую протекцию» зайсаны — Буктуш, Бурут, Серен, (Черен, Церен), Намыкай и демичи Менгош Сергеков. Они же сообщили командованию крепости о том, что зайсан Боохол «отдался» в китайское государство», а с «нами» пришла сюда, т.е. в Бийск, лишь «часть его людей, во главе с демичи Менгошем» [1. С. 43].

За первой группой зайсанов «вышли к Бийску» и приняли русское подданство зайсаны Намык Еманаев и Кокшин (Кукшин) Емзынаков (ставший зайсаном после смерти отца). К концу лета, по свидетельству историков, на Кузнецкой линии приняли русское подданство отоки 7 алтайских зайсанов и 54 человека из отока Боохолла. Последние «после протекции» были приписаны к отоку Кукшина Емзынакова, поскольку зайсан Боохол приходился родственником зайсану Емзынаку [1. С. 43]. Последним вышел к Бийской крепости зайсан Кутук, большая часть людей которого осталась на р. Ише, по причине того, что «лошади у них совсем выбились из сил». Возможно, это был своеобразный «маневр», ибо к концу лета алтайская знать уже «уведомилась», что «новоподданные алтайцы» будут переведены для житья на Волгу или в другие места, дабы обезопасить их от взятия мунгалами. Всего же к началу сентября 1756 г. на Кузнецкой линии было принято в «русскую протекцию» 1877 чел. [1. С. 44]. Принятие алтайскими кочевниками в 1756 г. российского подданства подвело итог более чем полуторавековому процессу развития русско-алтайских отношений — сложных, противоречивых и неоднозначных. Вхождение алтайцев в состав России вывело их из весьма опасного внешнеполитического положения, чреватого не только тем, что они могли подпасть под более тяжелый и жесткий гнет иноземных поработителей, но и тем, что над ними нависла реальная угроза их полного физического уничтожения Цинами. Другой альтернативы у них не было, поскольку самостоятельный путь развития исключался по той простой причине, что алтайские племена были малочисленны, политически и экономически отсталые и о создании собственного государства не могло быть и речи [7. С. 316]. Словом, добровольно войдя в состав России, насельники Горного Алтая не только спасли себя от физического уничтожения маньчжуро-китайскими захватчиками, но и получили новые возможности для своего дальнейшего социально-экономического, политического и культурного развития. Однако с принятием российского подданства мир на древней алтайской земле сразу же, к сожалению, не воцарился. Почему этого не случилось — это уже тема совершенно другого разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России: Сб. док. Горно-Алтайск, 1996.
2. Модоров Н.С. Поворотный пункт в истории алтайского народа (К 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России) // Горный Алтай: Ист. сб. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 10.
3. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.
4. Архив внешней политики России империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 4.
5. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 4.
7. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2011 г.